

■ ■ ■ Дискурс образования как «мягкой силы»
в условиях геополитической нестабильности:
генезис коммуникативных смыслов

Кузьмина Е. И., Герасимова С. А., Байзакова К.

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Российская Федерация.

Аннотация. Статья посвящена исследованию изменения дискурса образования как «мягкой силы» в связи со значительными геополитическими вызовами, с которыми сталкивается Россия в последние годы. Используя как источниковую базу ключевые работы по «мягкой силе» с 2000 по 2025 гг., тексты российских официальных политических документов, а также статистические данные по притоку иностранных студентов в Россию, авторы предпринимают попытку проследить, как развивается в российском социально-политическом пространстве дискурс вокруг применения «мягкой силы», а также образования как ресурса «мягкой силы». Рассматривается развитие дискурса в трех основных плоскостях – в сфере научно-политических исследований, в плоскости нормативных политических документов, в поле практик. Концепт «мягкой силы», предложенный в 1990-е гг. американским политологом Дж. Наем, и изначально трактуемый как способность добиваться желаемых результатов посредством создания привлекательного образа страны, ценности которой хочется разделять, за последние 30 лет дополнялся и несколько корректировался. Одним из значимых ресурсов «мягкой силы» остается высшее образование, с 2000-х гг. активно встраиваемое в процесс интернационализации. Россия, располагая как выгодным геополитическим положением, так и наработанной в советский период сетью профессиональных образовательных контактов, заинтересована в превращении данного потенциала в действенный механизм формирования позитивного международного имиджа. Вслед за изменением геополитических реалий меняется и вектор образовательного интереса России – в сторону воздействия на государства постсоветского пространства и страны «Глобального Юга».

Ключевые слова: «мягкая сила»; образование как «мягкая сила»; интернационализация образования; академическая мобильность; образовательная политика.

Для цитирования: Кузьмина Е. И., Герасимова С. А., Байзакова К. Дискурс образования как «мягкой силы» в условиях геополитической нестабильности // Коммуникология. 2026. Том 14. № 1. С. 208-223. DOI 10.21453/2311-3065-2026-14-1-208-223.

Сведения об авторах: Кузьмина Елена Игоревна – к. социол. н., доцент кафедры социологии, начальник отдела качества образования МГИМО МИД России, ORCID ID: 0000-0001-6192-7852; *E-mail:* e.kuzmina@inno.mgimo.ru; Герасимова София Андреевна – студентка факультета Международных отношений МГИМО МИД России, *E-mail:* s5102020@yandex.ru; Байзакова Камилла – студентка факультета Международных отношений МГИМО МИД России; *E-mail:* bayzakova_k@my.mgimo.ru. Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

Статья поступила в редакцию: 24.12.2025. *Принята к печати:* 24.03.2026.

Конфликт интересов: отсутствует.

Благодарности: Публикация подготовлена при поддержке МГИМО МИД России в рамках XVI конкурса молодых ученых МГИМО «Мой старт в науке».

Введение. В условиях обостряющейся геополитической конкуренции все более значимым вектором внешней политики становится соперничество за обладание человеческими и интеллектуальными ресурсами. В данном процессе высшее образование рассматривается не только как социальный институт, обеспечивающий накопление и передачу знаний и компетенций, но и как эффективный инструмент формирования «мягкой силы», способствующий укреплению международного имиджа страны. Как неоднократно отмечал ректор МГИМО академик РАН А.В. Торкунов [Торкунов, 2012], предоставление образовательных услуг иностранным студентам является одним из важнейших инструментов этой политики. В изменившихся международных условиях необходимость применения «мягкой силы» обретает особую значимость. А ввиду совокупности геополитических, социально-культурных и исторических причин особый научный и практический интерес представляет молодежь из стран постсоветского пространства. В первую очередь, страны СНГ остаются сферой интересов России, где сохранение и укрепление партнерских отношений составляет одну из ключевых внешнеполитических задач. Кроме того, общее историческое прошлое, лингвистическая и культурная близость создают уникальную основу для более глубокой и быстрой образовательной и социальной интеграции. Наконец, в этом регионе Россия сталкивается с активной конкуренцией со стороны других международных акторов, что делает задачу укрепления доверия к стране особенно актуальной.

Проблематика реализации «мягкой силы» формируется на стыке ряда ключевых дискурсивных полей социальных наук – академической мобильности, миграционных процессов, интернационализации и экспорта высшего образования. В этой связи особую значимость приобретает анализ соответствующего дискурса, складывающегося как в современном обществе, так и в пространстве научно-политической мысли. Основная цель статьи – представить развитие дискурса об образовании как «мягкой силе» в контексте изменяющихся геополитических условий.

Материалы и методы

В основе работы лежат принципы нарративного обзора с применением элементов библиометрии [Носкова, Куманцов 2025]. Источниковая база сформирована путем тематического поиска по ключевым словам в крупнейших российских и международных базах данных (РИНЦ, Scopus, Web of Science и др.) за 2000 – 2025 гг. Критериями включения материалов в анализ служили их принадлежность к числу высокорейтинговых изданий, а также высокий уровень цитируемости. Всего было отобрано и проанализировано более 20 работ, включающих как классические источники, посвященные концептуализации «мягкой силы», в том числе, труды Дж. Ная, так и отечественные статьи ведущих политологов, которые дают

возможность проанализировать направления развития дискурса «мягкой силы» в современных геополитических реалиях.

Еще один важный источник данных, к которому обращались авторы статьи, – нормативные документы, главным образом – Концепции внешней политики России с 2003 по 2023 гг., где артикулируются значимые нарративы, формирующие направленность взаимодействий РФ с другими государствами.

Для анализа динамики образовательной миграции в Россию и изучения потоков иностранных студентов были использованы официальные статистические данные, размещенные на сайтах профильных ведомств и министерств.

Результаты исследования

В социальных науках дискурс в широком смысле слова трактуется как целостное коммуникативное событие, включающее взаимодействие адресанта и адресата сообщения и интегрированное в конкретный временной, пространственный и социокультурный контексты [Van Dijk 2012]. При этом дискурс не только отражает существующую социальную реальность, но обладает возможностью ее конструирования [Олешкова 2020]. Дискурс развивается с опорой на те события, которые происходят в мире. И «мягкая сила» здесь не является исключением. Геополитический контекст выступает ключевым фактором, трансформирующим содержательное наполнение и целевые установки дискурса, определяя его итоговую тональность и коннотации [Шарков, Силкин, Киреева 2023: 8-17]. Анализ дискурса подразумевает погружение в контекстуальные взаимодействия и социальные практики, понимание типа коммуникации, складывающегося вокруг определенного феномена или явления [Ван Дейк 2013]. Дискурс формируется в трех основных плоскостях – в сфере научно-политических исследований, в плоскости нормативных политических документов, в поле практик. Рассмотрим эти составляющие.

Принято считать, что концепт «мягкой силы» вводит 1990-е гг. в научно-политический оборот американский политолог Джозеф Най, посвятивший ряд работ анализу возможностей государства оказывать воздействие на другие страны не только (и не столько) с помощью военных мер и экономических санкций, но и посредством других средств, делающих страну более привлекательной в глазах граждан других государств [Наумов 2021]. Его подход комплексно представлен в работе «Мягкая сила: путь к успеху в мировой политике» [Нуе 2004]. Джозеф Най предлагает концепцию «мягкой силы» как альтернативу и дополнение к военной и экономической «жесткой силе», а также подчеркивает, что в современном трехмерном мире, включающем в себя военную, экономическую и транснациональную сферы, «мягкая сила» становится критически важной. «Мягкая сила» определяется как способность добиваться желаемых результатов не через принуждение или экономическое давление, а через привлекательность, основанную на культуре, политических ценностях и внешней политике, когда та воспринимается как легитимная и обладающая моральным авторитетом [Нуе 2004].

Более того, как отмечает Д. Най [Nye 2004], мягкая сила подразумевает способность заставить других желать тех же результатов, которые хотите вы. Это более эффективно работает через позитивные механизмы вовлечения, чем через негативные – принуждения. Мягкая сила основывается на способности формировать предпочтения других, инкорпорировать свои ценности в «бытийность» другого общества. Автор выделяет ряд условий, определяющих эффективность «мягкой силы». «Мягкая сила» во многом зависит от контекста: то, что получается в одной стране в определенный исторический период, может не сработать в других условиях.

Образование в рамках элитарной культуры

Значение имеет культурная близость: механизм привлекательности работает эффективнее между обществами со *схожими культурными кодами*. Наконец, Дж. Най пишет, что влияние «мягкой силы» часто является косвенным и долгосрочным и не приводит к немедленным действиям. Выделяются следующие механизмы реализации «мягкой силы» или, как называет их Дж. Най, ресурсы: институты, ценности, культура, политика. Дж. Наем *образование рассматривается в рамках культуры*, причем культуры элитарной [Савельчев 2023].

Джозеф Най закладывает теоретико-методологическую основу для исследования мягкой силы и ее эффективности как противовеса более жестким и авторитарным методам. В дальнейшем ученые, отталкиваясь от идей Д. Наея, предпринимают попытки уточнить или расширить концепцию «мягкой силы» [Наумов 2021]. Основываясь на идеях Дж. Наея, Джонатан МакКлори разрабатывает индекс ранжирования привлекательности стран по уровню «мягкой силы», который получил название «The Soft Power 30¹». Он дополняет подход Наея, расширяя количество ресурсов мягкой силы: бизнес/инновации, культура, правительство, дипломатия, образование². Данный индекс позволяет с помощью объективных и субъективных показателей раскрыть страновой потенциал «мягкой силы». Последний такой рейтинг рассчитывался в 2019 году. Россия в нем заняла 30 место, получив 48,64 балла³. В первую пятерку вошли Франция, Великобритания, Германия, Швеция, США.

Стоит отметить, что ряд исследователей оспаривает идеи Д. Наея, утверждая, что «мягкая сила» по сути своей все равно предполагает элементы принуждения, пусть и символического. Так, Джэнис Биалли Маттерн (Mattern J. B.) в своей работе «Почему мягкая сила не такая уж и мягкая: репрезентационная сила и со-

¹ Интернет-ресурс Softpower30.com (дата обращения: 25.12.2025).

² McClory J. The New Persuaders II A 2011 Global Ranking of Soft Power// Institute for Government. URL: https://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20New%20PersuadersII_0.pdf (дата обращения 25.12.2025)

³ The Soft Power 30. 2019. URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf> (дата обращения 26.12.2025).

циолингвистическое конструирование привлекательности в мировой политике» [Mattern 2005] опровергает представление о «мягкой силе» Дж. Нае как о мирной и добровольной форме влияния. Она утверждает, что «привлекательность», о которой говорит Дж. Най, на самом деле является скрытой формой принуждения, так называемой «репрезентационной силой». То есть процесс «формирования предпочтений» других людей, который Най считает безобидным, нужно рассматривать как форму власти: «Мягкая сила» не является мягкой... она работает, производя смыслы, которые конструируют реальность таким образом, что определяют желания других в пользу интересов обладателя силы. Это не просто привлекательность; это – репрезентационная сила» [Mattern 2005]. Таким образом, Маттерн отходит от первоначально предложенного Наем понимания «мягкой силы» как семантически приятного и привлекательного, акцентируя внимание на символическом насилии, которое может за ней скрываться.

Отечественный дискурс «мягкой силы»

Формирование дискурса «мягкой силы» в России происходит в контексте его *первоначальной научной концептуализации*, в официальных документах формулировка «мягкая сила» начинает фигурировать несколько позже. На основе отобранных по ключевым словам статей из отечественных баз данных можно сделать вывод, что российский дискурс вокруг «мягкой силы» начинает оформляться в начале 2010-х годов. В отечественной науке и политической практике мягкая сила концептуально понимается как все «невоенные методы воздействия» [Лебедева 2017]. М. М. Лебедева отмечает, что «мягкая сила» зачастую представляет собой не само воздействие, а потенциал этого воздействия [Лебедева 2017]. При этом особое место в отечественном социально-политическом дискурсе вокруг мягкой силы отводится ее коммуникативному воздействию и каналам коммуникации [Борисов 2020].

Исследователи справедливо указывают на некоторую трансформацию смысла при переводе термина «soft power» на русский язык [Борисов 2020: 133] в отечественной интерпретации концепт получает обозначение «сила», но утрачивает при этом часть семантического обозначения «власти». Отметим, что «мягкая сила» нередко отождествляется с пропагандой [Лебедева 2017: 214], что искажает изначальную сущность «мягкой силы», предполагающую создание привлекательного образа страны, ее ценностей и культуры. В этом случае «мягкая сила» становится источником разного рода манипуляций, навязывания образцов мысли, поведения и коммуникации. Более того, в политическом дискурсе «мягкая сила» оказывается инструментом идеологического соперничества и конкуренции между государствами [Харкевич, 2014].

Второй «коммуникативный пласт», формирующий дискурс «мягкой силы», фигурирует в официальных нормативных документах. Понятие «мягкой силы» появляется в российских официальных документах только в 2013 году. Так, впервые необходимость применения «мягкой силы» появляется в Концепции внешней

политики России в 2013 году, где «мягкая сила» обозначается как неотъемлемая составляющая современной международной политики и определяется как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии¹». Отметим, что уже на уровне концепции выделяются *факторы, препятствующие полноценному и корректному использованию* ресурсов «мягкой силы», связанные с возможностями манипуляции общественным мнением и сознанием, информационным давлением, вмешательством во внутренние дела других стран. В следующей Концепции внешней политики, принятой в 2016 году, также уделяется внимание необходимости применения инструментов «мягкой силы» в дополнение к методам традиционной дипломатии². В Концепции 2023 года, актуализированной в связи с текущими геополитическими процессами, акценты расставлены несколько иначе. Термина «мягкая сила» в данном документе уже не используется, однако подчеркивается необходимость защиты русской культуры, а также поддержания образа России как страны, привлекательной для жизни, учебы и работы. Отмечается, что Россия намерена уделять *приоритетное внимание* «популяризации и защите от дискриминации за рубежом отечественных достижений в сферах культуры, науки, образования и искусства, а также укреплению образа России как государства, привлекательного для жизни, работы, учебы и туризма³». Более того, отдельно прописывается необходимость укрепления потенциала сотрудничества со странами БРИКС, ШОС, СНГ, ЕАЭС. Хотя в последней утвержденной Концепции внешней политики «мягкая сила» не обозначается напрямую, ее ресурсы, в том числе, образование, прописаны в «Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года», где Президент нашей страны поручил увеличить численность иностранных студентов, обучающихся по программам высшего образования не менее чем до 500 тыс. человек⁴. В дополнение к этому с 2017 по 2025 гг. в России действовал приоритетный проект «Развитие экспорт-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.) // База «Гарант». URL.: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения 25.12.2025).

² Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России. URL.: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения 28.12.2025).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.)// Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL.: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения 28.12.2025).

⁴ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. ГКД.// Правительство России. URL.: <http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf> дата обращения 28.12.2025).

ного потенциала российской системы образования», основной задачей которого было повышение конкурентоспособности российского образования на мировом рынке [Матевосян, 2022].

Отметим, что страны постсоветского пространства традиционно входят в зону интереса и влияния России. При этом современная международная ситуация актуализирует потребность в укреплении отношений с этими странами, особенно в условиях повышенного интереса Европы и США к данному региону. «Мягкая сила» на этом направлении видится одним из наиболее значимых ресурсов, дающих возможность «продвигать» позитивный образ России среди населения и элит соседних государств.

Дискурс «мягкой силы» в России формировался под влиянием задач интеграции в мировое сообщество и обретения статуса активного субъекта международных отношений. При этом в российской политической практике сложилась традиция, апеллирующая скорее к «попыткам распространения» русской культуры, а не к идее о создании позитивного и привлекательного на мировом пространстве образа России [Борисов 2020:137]. Создается ситуация, что прежние нарративы, завязанные, например, на победе в Великой Отечественной войне, уже не так эффективно работают, а новые, ориентированные на будущее, фактически еще не сформулированы [Борисов: 137, 2020]. Это усугубляется осложнением международной обстановки и актуализирует потребность в формировании привлекательного образа России на международной арене. Поэтому на сегодняшний день отечественное образование, традиционно имеющее хорошую репутацию в мире, видится одним из наиболее значимых ресурсов «мягкой силы». В сложившихся условиях анализ потенциала высшего образования в контексте задач «мягкой силы» представляет собой важное исследовательское направление.

Образование как элитарная культура: ресурс «мягкой силы»

Образование – один из базовых ресурсов «мягкой силы». По Дж. Наю, высшее образование является элементом элитарной культуры, поэтому становится каналом воспроизводства определенной нормативности среди представителей высших классов [Нуе 2004]. Так, образование способствует формированию долгосрочных связей и элит через привлечение талантливой молодежи других стран, ее профессиональную и ценностную социализацию, интеграцию в культурные и неформальные сети. Эффект проявляется спустя годы, когда выпускники занимают ключевые позиции в органах власти, дипломатии и бизнесе своих стран, сохраняя прочные связи со страной обучения [Андросова 2011].

В начале 2010-х гг., когда дискурс «мягкой силы» только начинал оформляться в российской социально-политической мысли, образование виделось одним из основных ресурсов развития страны и ее инструментов влияния на соседние государства [Торкунов 2012]. Политологи отмечают, что российское высшее образование обладает значительным потенциалом для того, чтобы быть ресурсом «мягкой силы», что предопределяется совокупностью факторов – от удач-

ного геополитического расположения до накопленных в советский период практик образовательного взаимодействия с зарубежными государствами [Лебедева, Фор 2009].

Дискурс «образования как мягкой силы» формируется в широком смысловом поле, объединяющем как классические программы высшего образования, так и разнообразные механизмы академической мобильности – научные и студенческие обмены, программы зимних и летних школ для студентов [Медяник 2016:56]. При этом встраивается коннотация «привлекательности» российского образования для иностранцев, которые должны выбрать именно образование в России среди других «образовательных продуктов». В начале 2010-х гг. А.В. Торкунов замечал, что наша страна должна сфокусироваться на создании университетов мирового уровня, которые должны быть центрами образовательного и культурного притяжения для зарубежных студентов, конкурентоспособными и на родине, и за рубежом [Торкунов 2013]. Университеты являются латентными каналами мягкой силы [Лебедева 2017], а образование предполагает длительное воздействие и достижение «долгосрочных» целей [Лебедева: 220, 2017]. Привлечение в Россию студентов из других стран способствует реализации важной национальной задачи – формирования позитивного образа государства [Андросова 2011: 204], что имеет особую значимость на постсоветском пространстве, где страны имеют как общую историю, так и культурно-коммуникативный базис в виде русского языка.

Что привлекает иностранных студентов в российские вузы? Согласно исследованию, проведенному специалистами УрФУ, факторами привлекательности становятся высокое качество отечественного образования, его доступная стоимость, созданная в вузе «этническая сетевая структура» (особенно для студентов КНР) [Антонова и др. 2020], реализация программ дополнительного профессионального образования для иностранных студентов.

Если говорить о барьерах реализации потенциала образования как «мягкой силы», то их можно условно разделить на две группы. К первой относятся трудности, связанные с образовательным процессом, обучением и средой университетов. Интернационализация образования, развивающаяся мировом образовательном пространстве с 2000-х гг., и предполагающая наличие в национальных образовательных системах международного компонента, влечет за собой ряд трудностей. Один из дискуссионных моментов, связанных с интернационализацией образования, – вопрос о том, как сохранить высокое качество образовательного процесса, наполнение образовательных программ и организовать перезачет пройденных дисциплин [Торкунов 2017]. Значительной трудностью для приезжающих в Россию студентов становится также качество языковой подготовки, то есть знание русского языка, что особенно актуально для студентов из КНР [Медяник 2016: 56].

Ко второй группе трудностей можно отнести *неакадемические факторы*, негативно сказывающиеся на желании абитуриентов выбрать российские вузы для обучения: социально-бытовые условия, возможность получения медицинского

обслуживания, вопросы безопасности [Андросов 2011], а также условия въезда в страну и получения виз, стоимость проживания, возможности получения гражданства в принимающей стране и условия интеграции в него [Торкунов 2012].

В сложных современных геополитических реалиях *меняется и дискурс во-круг образования как ресурса «мягкой силы»*. Особое значение придается переориентации внешней политики России «на Восток», что проявляется в активизации работы по выстраиванию новых и укреплению сложившихся образовательных партнерств, например, со странами АСЕАН [Донцов, 2025], Китаем [Таланов 2024; Медяник 2016], государствами постсоветского пространства. Так, А.В. Торкунов говорит о выстраивании сотрудничества, в том числе образовательного, со странами «Глобального Юга» [Торкунов 2022], а многие вузы пере-страивают свои программы академических обменов с акцентом на страны Азии и Южной Америки. Одно из важных направлений актуальной образовательной политики – образовательная коммуникация с соотечественниками, проживающими за рубежом. Вертикальная образовательная коммуникация осуществляется через выстраивание взаимодействия с институтами, горизонтальная – связана с личным взаимодействием с агентами, которыми выступают «наставники в образовательных учреждениях, референтные социальные группы, члены семьи, друзья и т. д.» [Ростовская, Васильева 2023].

Если говорить о практиках образовательных взаимодействий – третий пласт формирования дискурса – то необходимо обратиться к статистике. Исследователи отмечают, что со времени распада СССР изменился состав стран, основных «экспортеров» иностранных студентов [Цыпкина 2025]. Так, если раньше главными зарубежными интересантами российского образования были студенты из стран Азии, Восточной Европы, Африки и Латинской Америки, то теперь это выходцы из стран постсоветского пространства [Цыпкина 2025: 166]. Согласно данным, представленным в докладе Российского совета по международным делам (РСМД) «Образовательная миграция в Россию: современное состояние и перспективы развития», количество иностранных студентов с 2019 по 2024 гг. выросло на 21% с 297 тыс. человек до 376 тыс. человек¹. Увеличивается и количество иностранных мигрантов из стран СНГ: В 2024 г., в российские вузы было зачислено 135 тыс. иностранцев. Из них на программы бакалавриата больше всего студентов поступило из Туркменистана (21,5 тыс. чел.) и Казахстана (12,8 тыс. чел.); на программы специалитета – из Индии (10 тыс. чел.), Туркменистана (3,9 тыс. чел.), Узбекистана (2,1 тыс. чел.), на программы магистратуры – из Китая (8,6 тыс. чел.), Казахстана (5,4 тыс. чел.), Узбекистана (2,4 тыс. чел.). При этом в отчете Россотрудничества за 2024 год², которое, в частности, отве-

¹ Образовательная миграция в Россию: современное состояние и перспективы развития. // Российский совет по международным делам. URL.:<https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-Edu-Migration-PolicyBrief62.pdf> (дата обращения: 02.01.2026).

² Россотрудничество. 2024. URL.:https://rs.gov.ru/app/uploads/2025/07/183cfe_rossotrudnichestvo_2024.pdf дата обращения 02.01.2026)

чает за развитие популярности отечественного образования среди иностранных граждан, отмечается, что за последний год число иностранцев, желающих бесплатно учиться в России, увеличилось с 54 тыс. до 77 тыс. На это ежегодно выделяются средства из Федерального бюджета, в 2026 году – 10,6 млрд. рублей¹.

Российская образовательная политика по отношению к иностранным гражданам может реализовываться в *двух основных направлениях*. В рамках первого предполагается привлечение иностранных граждан к обучению в российских вузах. Согласно статистическим данным, за 2025 год доля иностранных студентов в вузах России достигла рекордного показателя в 8,5%². В качестве примера приведем созданный в 2013 г. Российско-Киргизский Консорциум технических университетов³. Абитуриенты из Кыргызстана отбираются для обучения в ведущих российских технических вузах-участниках консорциума (40 постоянных членов, в том числе МЭИ, МИСиС и другие). Обучение проходит по квотам или целевым направлениям, финансируемым российскими госкорпорациями. По возвращении в Кыргызстан выпускник с дипломом российского вуза трудоустраивается на объектах, связанных с российским капиталом (например, в «Роснефти», в «Русале» или в проектах «РусГидро»). Такие сотрудники, интегрированные в российские корпоративные стандарты, становятся проводниками российского оборудования, нормативов, наконец, долгосрочных экономических и политических интересов. Второе направление использования образования как инструмента «мягкой силы» – открытие филиалов российских вузов за рубежом. Так, согласно данным, опубликованным на сайте Министерства образования и науки, на данный момент действует 31 филиал российских университетов за рубежом, а также 4 Российско-национальных (славянских) университета⁴. Наибольшее количество филиалов – в Узбекистане (12 вузов), на втором месте – Казахстан (5 вузов), на третьем – Таджикистан и Армения (по 4 вуза). Также россий-

¹ Иностранные студенты в России. 2026: Выделение ¥10,6 млрд на квоты в вузах для иностранцев в федбюджете. // TADVISER. Государство. Бизнес. Технологии. URL.: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Иностранные_студенты_в_России#2026:_D0.92.D1.8B.D0.B4.D0.B5.D0.BB.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D0.B5_.E2.82.BD10.2C6_.D0.BC.D0.BB.D1.80.D0.B4_.D0.BD.D0.B0_.D0.BA.D0.B2.D0.BE.D1.82.D1.8B_.D0.B2_.D0.B2.D1.83.D0.B7.D0.B0.D1.85_.D0.B4.D0.BB.D1.8F_.D0.B8.D0.BD.D0.BE.D1.81.D1.82.D1.80.D0.B0.D0.BD.D1.86.D0.B5.D0.B2_.D0.B2_.D1.84.D0.B5.D0.B4.D0.B1.D1.8E.D0.B4.D0.B6.D0.B5.D1.82.D0.B5 (дата обращения 03.01.2026).

² У России есть кому поучиться // Коммерсант.URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8398867> (дата обращения 03.02.2026)

³ Соглашение об образовании российско-кыргызского консорциума технических университетов. // МЭИ. Национальный исследовательский университет. URL.: https://www.mpei.ru/internationalactivities/partnership/RKKTU/Documents/RKKTU_agreement.pdf (дата обращения 20.12.2025).

⁴ Минобрнауки. Филиалы российских университетов за рубежом. // Министерство образования и науки. URL.: https://minobrnauki.gov.ru/action/foreign_scientists/branches/ (дата обращения: 02.01.2026).

ские филиалы присутствуют в Беларуси (3 вуза), Азербайджане (2), Киргизии (2), Монголии (1), Молдове (1) и ОАЭ (1).

Обсуждение

Всегда ли образование становится ресурсом «мягкой силы»? Этот вопрос в последнее время все активнее проявляется социально-политическом дискурсе. Во-первых, в глобальной перспективе на возможности интернационализации высшего образования влияют текущие социально-экономические и геополитические реалии. Эпидемия коронавируса значительно снизила потенциал академической мобильности и распространения образовательных практик за рубежом. А современная геополитическая ситуация, в свою очередь, обострила потребность в реализации мягкой силы, с одной стороны, и трансформировала вопросы, связанные с экспортом российских образовательных услуг. Исследователи также отмечают, что в последние годы вузы сталкиваются с последствиями трех мировых кризисов – пандемии и постпандемийного периода, что актуализирует потребность в развитии цифровых образовательных сервисов; геополитического кризиса, сужающего возможности присутствия вузов в мировом пространстве, в том числе, и цифровом; экономического кризиса, который усиливает необходимость экономить финансовые ресурсы как сами вузы, так и потенциальных абитуриентов [Олизько, Юдина 2016].

Текущие экономические и геополитические реалии влияют на возможности интернационализации высшего образования. Так, Джейн Найт [Knight, 2013] пишет о фундаментальном сдвиге в интернационализации высшего образования, о меняющейся мотивации: от сотрудничества, основанного на академических и культурных целях, к коммерциализации и конкуренции, связанной с экономическими и политическими интересами. Практика привлечения иностранных студентов рассматривается в рамках глобальных трендов: «Растет озабоченность по поводу того, что коммерциализация и рекрутинг иностранных студентов стали доминирующими движущими силами, а не более фундаментальными образовательными, исследовательскими и культурными целями» [Knight, 2013]. Более того, всемирное образовательное пространство становится и площадкой для конкуренции. При этом, зачастую это конкуренция не за «передачу смыслов и ценностей», а за прибыль, получаемую от платных студентов. Так, российские вузы соперничают как между собой, так и с зарубежными образовательными учреждениями за привлечение иностранных (и своих) абитуриентов. При этом на мировом рынке образовательных услуг более дорогое, чем в России, образование, так и более доступное по стоимости [Торкунов 2012].

Выводы. Высшее образование, являясь элементом элитарной культуры, относится к числу наиболее эффективных инструментов реализации «мягкой силы» и обладает значительным потенциалом. Россия, располагая как выгодным геополитическим положением, так и наработанной сетью профессиональных

образовательных контактов, унаследованных от советского периода, заинтересована в превращении данного потенциала в действенный механизм формирования позитивного международного имиджа и воздействия на государство постсоветского пространства и страны «Глобального Юга». За последние годы наблюдается рост интереса иностранных студентов к получению образования в России. Более того, увеличение контингента иностранных студентов входит в число приоритетных задач в рамках достижения национальных целей развития Российской Федерации до 2036 года. Обучающиеся в России иностранцы потенциально способны стать проводниками российских ценностей, однако нельзя исключать и обратный эффект: различного рода барьеры могут спровоцировать непредвиденные (даже негативные) последствия. Перед управленческими кадрами в образовании стоит непростая задача превращения ресурсов и потенциала в работающий инструмент. Один из ключевых вопросов, волнующих как ученых, так и практиков – как реализовать эту задачу в сложной международной обстановке.

Источники

- Андросова Д.Н. (2011). «Мягкая сила» России на пространстве СНГ. Высшее образование // Актуальные проблемы Европы. № 2. С. 203-218.
- Антонова Н.Л., Сущенко А.Д., Попова Н.Г. (2020). «Мягкая сила» высшего образования как фактор мирового лидерства // Образование и наука. Т. 22, № 1. С. 31-58. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-1-31-58.
- Борисов А.В. (2020). «Мягкая сила»: специфика отечественного понимания // Проблемы постсоветского пространства. Т. 7, № 2. С. 130-141. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-2-130-141.
- Ван Дейк Тён А. (2013). Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 344 с.
- Донцов А.С. (2025). Образование как инструмент мягкой силы России в странах АСЕАН // Международные отношения. № 1. С. 136-158. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.1.73523.
- Лебедева М.М. (2017). «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. № 3(54). С. 212-223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223.
- Лебедева М.М., Фор Ж. (2009). Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. № 6(9). С. 200-205. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-6-9-200-205.
- Матевосян А.Т. (2022). Высшее образование как инструмент «мягкой силы» России (на примере Армении) // Вестник Московского Университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. № 2. С. 56-68.
- Медяник Е.И. (2016). Совместные проекты в области образования как инновационная форма сотрудничества России и Китая в XXI в // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 16, № 1. С. 54-64.
- Наумов А.О. (2021). Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика // Государственное управление. Электронный вестник. № 89. С. 122-131.
- Носкова А.В., Куманцов А.А. (2025). Социальная субъективность искусственного интеллекта: обзор эволюции дискурса // Социальное пространство. Т. 11, № 3. С. 1-16.
- Олешкова А.М. (2020). Критический дискурс-анализ в традиции Н. Фрэнкел: социально-философский аспект // Международный научно-исследовательский журнал. № 6 (96). С. 15-18.

Олизько Н.С., Юдина К.В. (2024). Привлечение иностранных студентов в российские вузы: эффективные стратегии вербального и невербального воздействия // Вестник Челябинского государственного университета. № 8 (490). С. 157-165. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-157-165.

Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. (2023). Образование как ресурс формирования «мягкой силы» в работе с молодыми соотечественниками, проживающими в странах СНГ // Высшее образование в России. Т. 32, № 5. С. 21-35. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-21-35.

Савельчев Л.А. (2023). Высшее образование как ресурс «мягкой силы» России в новых геополитических условиях. Часть 1: литературный обзор и постановка проблемы // Новизна. Эксперимент. Традиции (N.Ех.Т). Т. 9, Вып. 3 (23). С. 48-55.

Таланов С.Л. (2024). Экспорт российского высшего образования как инструмент «мягкой силы» // Социально-политические исследования. № 1 (22). С. 68-83.

Торкунов А.В. (2012). Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. № 4(25). С. 85- 93. DOI: 10.24833/2071-8160-2012-4-25-85-93.

Торкунов А.В. (2013). Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании // Вестник МГИМО Университета. № 2(29). С. 7-11.

Торкунов А.В. (2017). Российские вузы в процессе интернационализации. Вызовы и приоритеты // Международные процессы. Т. 15, № 1(48). С. 6-12. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.2.

Торкунов А.В. (2022). Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы // Полис. Политические исследования. № 5. С. 7-22. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.02.

Харкевич М.В. (2014). «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО-Университета. № 2 (35). С. 22-29.

Цыпкина А.Г. (2025). Стратегии обучения иностранцев в России: «мягкая сила» или экспорт услуг? (внутрироссийский аспект) // Россия и мир: научный диалог. № 2 (16). С. 159 – 176. DOI: 10.53658/RW2025-4-2(16)-159-176.

Шарков Ф.И., Силкин В.В., Киреева О.Ф. (2023). Политический дискурс в сетевом пространстве//Коммуникология: электронный научный журнал. Том 8. №3. С. 8-17.

Knight J. (2013) The changing landscape of higher education internationalisation – for better or worse? Perspectives: Policy and Practice in Higher Education. 17(3). 2013, pp. 84-0. <https://doi.org/10.1080/13603108.2012.753957>.

Mattern J.B. (2005). Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics. Millennium: Journal of International Studies. Vol. 33. Is. 3., pp. 583-612.

Nye J. S. (2004). Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs. New York. 192 P.

Van Dijk T. (2012) Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage. 103 P.

■ ■ ■ The Discourse of Education as «Soft Power» in the Context of Geopolitical Instability

Kuzmina E.I., Gerasimova S.A., Baizakova K.

MGIMO University Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation.

Abstract. The article examines the transformation of the discourse on education as an instrument of «soft power» in response to the significant geopolitical challenges Russia has faced in recent years. Drawing on a source base that includes key works on «soft power» published between 2000 and 2025, official Russian political documents, and statistical data on the influx of international students to Russia, the authors trace the evolution of the discourse surrounding the application of «soft power» – and education as a «soft power» resource – within the Russian socio-political sphere. The development of this discourse is analyzed across three primary dimensions: the realm of academic and policy research, the sphere of normative political documents, and the field of actual practices. The concept of «soft power», introduced in the 1990s by American political scientist Joseph Nye and initially defined as the ability to achieve desired outcomes through the attractiveness of a country's values and culture, has been expanded and somewhat redefined over the past thirty years. Higher education remains a significant soft power resource and has been actively integrated into the process of internationalization since the early 2000s. Leveraging both its advantageous geopolitical position and the extensive network of professional educational ties established during the Soviet era; Russia seeks to transform this potential into an effective mechanism for building a positive international image. In alignment with shifting geopolitical realities, the focus of Russia's educational engagement is also changing, increasingly directed toward influencing the states of the post-Soviet space and the countries of the Global South.

Keywords: «soft power»; education as «soft power»; internationalization of education; academic mobility; educational policy

For citation: Kuzmina E.I., Gerasimova S.A., Baizakova K. The Discourse of Education as «Soft Power» in the Context of Geopolitical Instability//Communicology. 2025. Vol.14. No. 1, pp. 208-223. DOI 10.21453/2311-3065-2026-14-1-208-223.

Inf. about the authors: Elena Igorevna Kuzmina, Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Sociology, MGIMO University,, Head of the Education Quality Department, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-6192-7852; Email: e.kuzmina@inno.mgimo.ru; Sofia Andreevna Gerasimova, student, Faculty of International Relations, MGIMO University, E-mail: s5102020@yandex.ru; Kamilla Baizakova, student, Faculty of International Relations, MGIMO University; E-mail: bayzakova_k@my.mgimo.ru. Address: 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Received: 24.12.2025. *Accepted:* 24.03.2026.

Acknowledgments: This publication was prepared with the support of MGIMO University as part of the 16th MGIMO competition for young scientists «My Start in Science».

References

- Androsova D.N. (2011). Russia's «Soft Power» in the CIS Space. Higher Education. Current Problems of Europe. No. 2. P. 203-218 (in Russ.).
- Antonova N.L., Sushchenko A.D., Popova N.G. (2020). Higher Education's «Soft Power» as a Factor of Global Leadership. Education and Science. Vol. 22, No. 1. P. 31-58. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-1-31-58 (in Russ.).
- Borisov A.V. (2020). «Soft Power»: Specifics of the Domestic Understanding. Post-Soviet Issues. Vol. 7, No. 2. P. 130-141. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-2-130-141 (in Russ.).
- Dontsov A.S. (2025). Education as an Instrument of Russia's Soft Power in ASEAN Countries. International Relations. No. 1. P. 136-158. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.1.73523 (in Russ.).
- Kharkevich M.V. (2014). «Soft Power»: The Political Use of a Scientific Concept. MGIMO Review of International Relations. No. 2 (35). P. 22-29 (in Russ.).
- Knight J. (2013) The changing landscape of higher education internationalisation – for better or worse? Perspectives: Policy and Practice in Higher Education. 17(3). 2013. P. 84–90. <https://doi.org/10.1080/13603108.2012.753957>
- Lebedeva M.M. (2017). «Soft Power»: Concept and Approaches. MGIMO Review of International Relations. No. 3(54). P. 212-223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223 (in Russ.).
- Lebedeva M.M., Fort J. (2009). Higher Education as a Potential of Russia's «Soft Power». MGIMO Review of International Relations. No. 6(9). P. 200-205. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-6-9-200-205 (in Russ.).
- Matevosyan A.T. (2022). Higher Education as an Instrument of Russia's «Soft Power» (the Case of Armenia). Moscow University Bulletin. Series 27. Global Studies and Geopolitics. No. 2. P. 56-68 (in Russ.).
- Mattern J.B. (2005) Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics. Millennium: Journal of International Studies. Vol. 33. Iss. 3. P. 583–612.
- Medianik E.I. (2016). Joint Projects in Education as an Innovative Form of Russian-Chinese Cooperation in the 21st Century. Vestnik RUDN. International Relations. Vol. 16, No. 1. P. 54-64 (in Russ.).
- Naumov A.O. (2021). Joseph Nye's Concept of «Soft Power» in Foreign Academic Discourse: Interpretation and Criticism. Public Administration. E-journal. No. 89. P. 122-131 (in Russ.).
- Noskova A.V., Kumantsov A.A. (2025). Social Subjectivity of Artificial Intelligence: A Review of the Evolution of Discourse. Social Area. Vol. 11, No. 3. P. 1-16 (in Russ.).
- Nye J. S. (2004). Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs. New York. 192 P.
- Oleshkova A.M. (2020). Critical Discourse Analysis in N. Fairclough's Tradition: A Socio-Philosophical Aspect. International Research Journal. No. 6 (96), pp. 15-18 (in Russ.).
- Olizko N.S., Yudina K.V. (2024). Attracting International Students to Russian Universities: Effective Strategies of Verbal and Non-Verbal Influence. Bulletin of Chelyabinsk State University. No. 8 (490). P. 157-165. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-157-165 (in Russ.).
- Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N. (2023). Education as a Resource for Forming «Soft Power» in Work with Young Compatriots Residing in CIS Countries. Higher Education in Russia. Vol. 32, No. 5. P. 21-35. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-21-35 (in Russ.).
- Savelchev L.A. (2023). Higher Education as a Resource of Russia's «Soft Power» in New Geopolitical Conditions. Part 1: Literature Review and Problem Statement. Novelty. Experiment. Traditions (N.Ex.T). Vol. 9, Issue 3 (23). P. 48-55 (in Russ.).
- Sharkov F.I., Silkin V.V., Kireeva O.F. Political Discourse in the Network Space // Communicology: Electronic Scientific Journal. 2023. Vol. 8. No. 3, pp. 8-17 (in Russ.).

Talanov S.L. (2024). Export of Russian Higher Education as an Instrument of «Soft Power». *Social and Political Studies*. No. 1 (22), pp. 68-83 (in Russ.).

Torkunov A.V. (2012). Education as an Instrument of «Soft Power» in Russia's Foreign Policy. *MGIMO Review of International Relations*. No. 4(25), pp. 85-93. DOI: 10.24833/2071-8160-2012-4-25-85-93(in Russ.).

Torkunov A.V. (2013). Creating World-Class Universities: New Trends in Russian Higher Education. *MGIMO Review of International Relations*. No. 2(29), pp. 7-11 (in Russ.).

Torkunov A.V. (2017). Russian Universities in the Process of Internationalization. Challenges and Priorities. *International Trends*. Vol. 15, No. 1(48), pp. 6-12. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.2 (in Russ.).

Torkunov A.V. (2022). Russia and the Political Order in a Changing World: Values, Institutions, Prospects. *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 7-22. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.02 (in Russ.).

Tsyapkina A.G. (2025). Strategies for Teaching Foreigners in Russia: «Soft Power» or Export of Services? (Domestic Russian Aspect). *Russia & World: Scientific Dialogue*. No. 2(16). P. 159-176. DOI: 10.53658/RW2025-4-2(16)-159-176 (in Russ.).

Van Dijk T. (2012) *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: Sage. 103 p/

Van Dijk Teun A. (2013). *Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication*. Transl. from English. Moscow: LIBROKOM Publishing House. 344 p. (in Russ.).